

Н. Н. Шпанов

Холгол (Край земли - 2)

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н11

Н11 **Н. Н. Шпанов**
Холгол (Край земли - 2) / Н. Н. Шпанов – М.: Книга по Требованию, 2012. – 75 с.

ISBN 978-5-458-04072-3

Николай Николаевич Шпанов - русский советский писатель, сценарист. Печататься начал с 1926 г. Был редактором журналов «Вестник воздушного флота», «Самолёт» и др. Член Союза Советских писателей с 1939 г. Николай Шпанов — автор свыше тридцати книг, из которых были наиболее известны «Первый удар», «Поджигатели», «Война невидимок», "Ученик чародея". Писатель также создал первый в советской литературе образ сыщика — сквозного героя нескольких произведений — Нила Кручинина («Похождения Нила Кручинина»)

ISBN 978-5-458-04072-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Шпанов Николай
Николаевич
Холгол (Край земли - 2)

НИК. ШПАНОВ
КРАЙ ЗЕМЛИ
(Продолжение)
ХОЛГОЛ
1. ПЕСОК

Остров Холгол или Колгуев лежит в Баренцовом море между 68°44' и 69°32' с. ш. и 48°26' и 50°3' в. д. от Гринвича. Протяжение острова 73 км с севера на юг и 57 км с востока на запад.

Большую часть года Колгуев бывает отрезан от материка, так как сообщение с ним возможно лишь в тот период, когда льды не преграждают пути судам. При этом, вследствие особенностей движения льдов в Северном Ледовитом океане, доступ к Колгуеву бывает закрыт значительно больший промежуток времени, нежели доступ к значительно севернее расположенным островам, как например, к Новой Земле. В то время, как к Новой Земле в большинстве случаев можно свободно пройти уже в мае, Колгуев в июне зачастую бывает еще со всех сторон окружен льдом. В этом году даже еще в начале июля суда, шедшие мимо Колгуева к устью Печоры, не могли достичь цели.

Природа Колгуева резко отличается от природы остальных островов полярных морей. В то время как поверхность этих островов в большинстве случаев покрыта возвышенностями и зачастую скалистые берега их мало доступны со стороны моря, поверхность Колгуева представляет собой типичную тундру - низкую болотистую равнину, прорезанную немногочисленными невысокими холмами с очень отлогими склонами - как бы кусок Малоземельской тундры, отрезанной от материка рукавом Баренцова моря.

Население Колгуева очень невелико и состоит из 29 самодских семейств численностью в 230 человек, живущих в 42 чумах.

Единственное становище на Колгуеве - Бугрино, по существу просто фактория Госторга, расположено на южном берегу.

Подход к острову с этой стороны исключителен по неудобству. Но, по какой-то злой традиции делать многое рассудку вопреки наперекор стихиям, старорежимные пионеры - купцы, забравшиеся сюда в погоне за дешевым песком, основали становище Бугрино именно на этом неудобном берегу. А у наших советских колонизаторов не хватило смелости махнуть рукой на две гнилые избушки купца Попова, и они стали пристраиваться тут же, пренебрегая тем, что здесь берег настолько обмелел, что даже такое судно, как наш бот, принуждено бросать якорь, примерно, в трех милях от берега. Ближе к берегу против становища сереют большие кошки. Даже на

шлюпке приходится сделать крюк в несколько миль, чтобы подойти к становищу, и то не ближе чем на километр в сторону.

Хотя мы и шли во время большой воды, но подойти к черте прилива шлюпкой нельзя было и несколько саженей приходится шлепать по воде пешком. Если располагать хорошими сапогами, то не беда. Но когда мне пришлось лезть со шлюпки в воду в сапогах, изготовленных московским магазином "Турист", я испытывал не большое удовольствие. Прежде чем я сделал пять шагов, в сапогах уже чмокала вода. А вода здесь студеная. Особенно в добавление к совершенно промокшей от брызгов на шлюпке спине.

Но все неприятности были тут же искуплены, стоило нам выбраться на берег. Нога утопает в тонком морском песке, на высокий откос берега невозможно выбраться по жирной, как масло, и скользкой глине. На откосе заманчиво голубеет кустик ярких незабудок.

Песок и глина.

Навстречу нам, по выстланному плотно слежавшейся мелкой галькой краю берега не спеша идет агент Госторга. С ним какие-то женщины в меховых шапках и непривычно теплых для июля пальто. Впереди, вперегонку с целой сворой собак, бегут ребятишки. Бледные личики выглядывают из-под капюшонов малиц.

Агент на острове - первое лицо. Это чувствуется во всей его неторопливой повадке. Однако такая повадка сохранилась недолго. Скоро агент - Дмитрий Ефимович Жданов - сбросил с себя губернаторскую личину и превратился в обыкновенного матроса, с крепким словом, размашистым жестом и верным, не обманывающим глазом. Трюмный машинист военного флота в прошлом, Жданов теперь вместе с обязанностями агента Госторга выполняет на острове и некоторые другие; он - бухгалтер, заведующий складом, продавец, браковщик мехов, ученый оленевод, ветеринар, плотник, печник, водонос, дроворуб и моторист катера.

Первым из нас, кто заинтересовал Жданова, был радист. Жданов особенно тепло пожал ему руку, покрутил за пуговицу бушлата. Такое радушие агента вполне понятно, если принять во внимание, что на Колгуеве нет радиостанций, и наше судно является первой возможностью послать во внешний мир известие о себе. После того внимание Жданова сосредоточивается на нашем капитане.

- Андрей Васильевич, груза для меня есть?
- Такое впечатление, что полон трюм.
- А что именно?
- Да главным образом песок - около ста бочек.

- Ну вот, опять та же история. Ведь сколько раз я сообщал о том, что у нас песок не идет. Самоед - он требует рафинаду, а что мне теперь...

- Пойдите-ка, вы про какой песок-то?

- Один песок-то ведь - сахарный.

- Нет, бывает еще золотой. А только у меня для вас ни сахарный ни золотой, а самый нормальный - речной.

- И в бочках?

- В бочках... вот эффект.

Красная луна Андрея Васильевича расплылась в улыбку.

Приняв все это за шутку, Жданов тоже засмеялся больше, по-видимому, из вежливости, так как ему было сейчас не до шуток. Легко ли, действительно, год прождать привоза новых товаров, сидеть последние месяцы без сахара, без чаю, курить одну махорку, а тут вдруг не добьешься у шутливо настроенного капитана толку, какие товары прибыли на пополнение запасов. Поневоле улыбка у Жданова вышла довольно кислой. Но капитан разочаровал его еще больше.

- И глина, Дмитрий Ефимович, тоже в бочках.

- Да нет, Андрей Василич, вы шутки-то бросьте, давайте всерьез об деле поговорим.

У Андрея Васильевича начала еще пуще обыкновенного краснеть и без того красная луна лица.

- Никакого впечатления шуток, товарищ Жданов, не должно получаться. Сказано ясно: песок и глина в таре. Потрудитесь принять.

Выражение плохо воспринятой шутки сменилось на лице Жданова неподдельным недоумением. Коротким броском руки он даже сдвинул на затылок свой малахай.

- Куда мне к чортовой матери этот песок, позвольте спросить? Для чего вы собственно его везли невесть откедова?

- А это уж, позвольте, не мое дело. Предписано Госторгом груз принять и доставить Колгуевской фактории, а зачем и почему - не интересуюсь... Так, частным образом, как будто бы для строительных надобностей. Говорят, тут у вас ни песку ни глины нет... Для Новой Земли тоже не малое количество в Архангельске заготовлено, кажется, что на "Ломоносова" грузить будут.

Жданов порывисто нахлобучил малахай на лоб и решительно заявил:

- Я песку примать не стану. Мне чего одна выгрузка его станет.

Выгрузка товаров на Колгуев, действительно, представляет

большие трудности. Из-за мелководья грузы доставляются к берегу на карбасах, причем карбас может пройти к берегу только один-два раза в сутки в большую воду. Доставить груз до черты прилива обязана судовая команда за плату в 5 коп. с пуда. На самом берегу груз сваливается и предоставляется попечениям агента. Отсюда груз предстоит поднимать на высокий обрывистый откос, где стоит амбар фактории. Это проделывают самоеды за поденную плату в 5 рублей человеку. А так как производительность труда самоедов совершенно ничтожна, то понятно, что разгрузка ложится невероятным накладным расходом на товар.

Жданов подумал и подтвердил:

- Нет, не стану примать.

Однако капитан, по-видимому, тоже решил не сдаваться.

- Ну, этот эффект вы, батенька, бросьте. Песок теперь ваш, вы его и принимайте.

- Сыпьте в море прямо с борта.

- Не могу. Я груз принял и должен вам сдать.

- Но ведь вы же оконфузите меня на всю жизнь перед самоедами: "какой дурак русак песок из Архангельска возит". Я уже не говорю о том, что будет стоить выгрузка. Очень прошу вас смайнать за борт.

- Как я могу бросать за борт груз, за который в Архангельске по 45 рублей за куб плачено, да упаковка, да фрахт! Что вы шутите, что ли? Какой эффект получится в Архангельске, если за борт сто бочек смайнать?

- Ну, а мне-то с ним что делать? - и агент недоуменно развел руками.

- Я выгружу, заплачу за выгрузку, а там уже ваше дело, - невозмутимо хрипит Андрей Васильевич.

Потом я видел злополучные бочки с песком аккуратно сложенными на берегу. Для того, чтобы самоеды не интересовались этими бочками, агент широко оповестил о том, что в них прибыла селедка (самоеды селедки не едят).

Утопая по щиколотку в прибрежном песке и гальке, мы добрались до становища Бугрина. Здесь всего четыре жилых дома, если можно присвоить это название той конуре, в которой живет помощник агента Госторга, известный здесь под кличкой "Наркиз" (личность примечательная, но о нем ниже).

Размеры дома Наркиза таковы, что до середины ската крыши я свободно достаю рукой. Чтобы войти в дверь, нужно согнуться в поясе под углом 90°.

Остальные постройки немногим лучше. Обшитый толем дом агента состоит из четырех клетушек общей площадью 15 квадратных метров. Здесь он живет с семьей из трех человек; тут и контора, сюда же набиваются приезжающие по делам самоеды. Когда в "столовой" стоит самовар и сидят человек пять, то не только негде уже стать, но некуда даже выдохнуть из себя воздух.

Рядом с домом агента стоит покосившаяся избушка метеорологического наблюдателя Убеко Баранкеева. Потолки этой избушки оставили много шишек на моей голове.

В центре поселения стоит сооружение, замечательное исключительностью совмещаемых им функций: это - склад мехов Госторга и церковь. Не какая-нибудь ликвидированная, заштатная церковь, а самая настоящая, действующая.

Через никогда не закрывающиеся двери мы попадаем в просторное помещение, доверху заваленное тюками связанных постелей. Из-за тюков виден иконостас с расставленными перед ним аналоями. На аналоях священные книги. Дверь алтаря тоже не заперта.

Вхожу.

На престоле разложены орудия производства: два креста, дароносица, кадило и т. п. В середине - большое евангелие. Сбоку в шкафчике висят облачения.

В общем вся эта часть оставлена совершенно нетронутой и, хотя здесь нет священника, она содержится в порядке.

Самоед, которому приходит в голову справить молебен или панихиду, приезжает в Бугрино. Сам открывает церковь, зажигает свечи, разводит кадило и начинает службу. Обычно это делает старший в семье, все же семейство молится в церкви. Если у приехавшего есть родные, похороненные на близлежащем христианском кладбище, то он ходит с кадилом и вокруг могил. Трудно сказать, в чем заключаются, моления этих импровизированных священнослужителей и их прихожан, ведь большинство из них даже не имеют представления о русском языке.

Содержится церковь на добровольные пожертвования самоедов. Пожертвования или, как их здесь называют, "жертвы" приносятся натурой и притом тайно. Когда приношениями заполняется шкаф, происходит распродажа пожертвованного. Ее широко используют живущие здесь русаки, так как это является единственным легальным способом купить заветных песцов и лисиц.

После покосившихся, закопченных домиков становища совершенно ошеломляющее впечатление производит стоящее от него на расстоянии километра здание больницы. Большие окна, высокие

потолки, просторные комнаты. Помещения необычно обширные, от которых уже отвык глаз москвича. У фельдшерицы комната в 30 с чем-то квадратных аршин, у санитарки - аршин 50, приемная такая же, если не больше, аптека, ванная и т. д.

Недоумение вызывает только одно - больница... на одного больного.

Но, как оказывается, для Колгуева этого вполне достаточно. Самоеды, по словам фельдшерицы, не только не любят лечиться, но и ничем не болеют.

- Позвольте, а пресловутый сифилис, от которого вымирают туземцы? А трахома, поражающая целые семьи и роды, экзема, чесотка?

Тучная фельдшерица только плечами пожимает.

- Ну, а знаменитая чахотка, порождаемая убийственными колгуевскими туманами?

Фельдшерица даже рассердилась.

- Я же говорю вам, что самоеды тут совершенно здоровы. Здесь нет никаких типичных болезней, свойственных туземцам. У меня за год было всего 60 больных с различными пустяками.

- В чем же дело?

- В стерильности колгуевского воздуха и всего острова.

По-видимому, колгуевский воздух действительно обладает необычайными целительными свойствами. Фельдшерица и санитарка отличаются исключительной комплекцией, завидным цветом лица и прекрасным аппетитом.

Не отстают от них и больничные клопы. Так как жить мне довелось в больнице, то я имел возможность еженощно и многократно убеждаться в отменных размерах и непомерном аппетите этих клопов, выползающих из всех мельчайших щелок и трещин бревенчатых стен.

Когда борьба с клопами доводила меня почти до тошноты, я одевался и выходил на крыльцо.

Для того, чтобы выйти на крыльцо, нужно преодолеть сопротивление ветра, давящего на входную дверь с силой, буквально валяющей с ног. Борьба эта тем труднее, что крыльцо, ступеньки, перила - все скользко и блестит как лакированное.

Густой, промозглый туман обволакивает все кругом непроглядной мутью.

Пронзительные, почти никогда не прекращающиеся ветры и постоянные туманы - это свойства климата, делающие жизнь на Колгуеве и особенно в Бугрине очень тяжелой. Местоположение

Бугрина выбрано весьма неудачно; становище стоит на совершенно открытом угоре, ничем не защищенном от ветров всех румбов.

Хотя в свою очередь эти ветры и обеззараживают Колгуев, избавляя его даже от мух, оводов и т. п.

Овод - это бич оленевода. На Колгуеве овод появляется не каждый год, но все же иногда бывает. Вред, причиняемый оводом, сводится к двум явлениям. Первое - это то, что, раз заведшись в шкуре оленя, овод оставляет там свои яички. Выходящие из яичек личинки под кожей животного образуют волдыри - свищи. Свищи причиняют оленю большие страдания, постоянно беспокоят его и изнуряют. Кроме того, в местах свищей на шкуре образуются дыры, обесценивая постели, идущие на замшу.

Из болезней наиболее частыми и распространенными среди оленей являются - головная болезнь и копытка, выводящие из строя огромные количества зверя.

На Колгуеве овод если и появляется, то не в таком подавляющем количестве как на материке. С острова самоедам уже некуда кочевать со стадами, чтобы уйти от овода, как уходит от него и от гнуса материковый самоед, поэтому колгуевец и не пренебрегает борьбой с оводом. Овода приманивают на разостланные белой замшевой стороной наверх постели или на парусину и уничтожают.

Подкожные свищи самоеды также выдавливают. Мне не привелось видеть, но рассказывают, что, выдавливая свищей, самоеды их тут же и съедают. Так как выдавливание свищей возлагается на ребятшек, то свищи и считаются детским лакомством.

Что касается Колгуева, то на нем наиболее серьезной угрозой целости оленьих стад является гололедица. Из-за того, что сквозь покрытый гололедом снежный покров олень не может добыть себе ягель, стада гибнут. Иногда, в неудачные годы, падеж доходит до 60% наличного состава стад. В случае появления гололедицы судьба стада целиком зависит от знания местности пастухом и от его умения отыскать площади ягеля, доступного оленю. Однако, судя по рассказам, здесь самоед-пастух далеко не всегда оказывается на высоте.

Стерильность колгуевского воздуха делает остров почти совершенно безопасным в отношении эпизоотий, губящих на материке десятки и сотни тысяч оленей за год. Поэтому Госторг и сосредоточил внимание на Колгуеве как на природном оленьем заказнике, способном дать значительное количество экспортного сырья (оленьи окорока, замша, шерсть).

Теперь оленьее хозяйство на острове находится в совершенно

зачаточном состоянии, используются только шкура и часть мяса оленя; убой не превышает 3 000 голов ежегодно (в стаде Госторга).

В значительной мере недостаточная эффективность напряженной работы Госторга происходит вследствие отсутствия необходимой согласованности в действиях Госторга и Комитета севера и, по-видимому, непрекращающихся между этими организациями скрытых трений на почве их советизаторской, колонизационной и торговой деятельности.

Основная и, пожалуй, единственная в настоящее время база, на которой Госторг и Комитет севера могли и должны были бы объединить свои усилия, туземное оленнее хозяйство, остается неиспользованной.

Колгуев - совершенно исключительное место для оленевода.

Холодные, колючие ветры Баренцова моря насквозь, из конца в конец, продувают остров. Жесткая трава лежмя-лежит под напором шипящих порывов. Но эти порывы, бич русаков, живущих на острове, спасение для оленей. И эти порывы, играющие роль единственного озонатора колгуевского воздуха, рано или поздно будут использованы.

Но мне не легче от живительного свойства холодного ветра, резкими короткими ударами бьющего со стороны бушующего за кошками моря. Суконная куртка - плохая защита от суровых вздохов старого Борея. Надо спастись в избу.

В больничной горнице жарко до духоты. Видимо, калории, затраченные мной на рубку дров, дали обильные всходы в печи, испропеленной руками самого Блувштейна.

Засыпая, я слышу заунывный вой ветра в трубе. Сквозь тонкие щели в тройных рамах пробивается мышинный писк резких порывов.

В нос ударяет резкий запах раздавленного клопа. Вероятно, это первый нечаянный мазок на моей простыне за сегодняшнюю ночь. К сожалению, не последний.

2. В ЦАРСТВЕ КУМКИ

Колгуевская больница никогда не переживала такого оживления, как со времени нашего приезда.

Днем и ночью мы только и занимаемся приемом гостей. С припуском не сходят чайники, так как, надо отдать справедливость колгуевцам, даже русакам, пить чай они отменные мастера. О самоедах я уже не говорю. Их способность поглощать чай просто феноменальна, особенно у женщин. Полуведерный чайник приходится подогре-